

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!
Юрий

С ЮРИЕМ ГАГАРИНЫМ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 2. С Юрием Гагариным**

«ИД Комсомольская правда»

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 2. С Юрием Гагариным / В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-851-8

Во второй том собрания сочинений старейшего журналиста «Комсомольской правды» В. М. Пескова вошли его статьи не только о природе, но и о начале покорения космоса. Он стал одним из первых журналистов, кто рассказал своим читателям о Юрии Гагарине, Германе Титове, Валентине Терешковой и других космонавтах первого набора.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-851-8

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	7
1959	8
В лесу, у станции Тригуляй...	8
Солдатский гостинец	11
За эти шесть лет...	13
Семья принимает экзамен	16
Счастье первой тропы	18
1960	23
Трое прилетели в Невон...	25
Святые минуты	27
Судьба лейтенанта	29
Встречайте!	32
«По городу ходил медведь...»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Василий Песков

Полное собрание сочинений. Том 2. С Юрием Гагариным. 1959–1962

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Мелькали звезды на черном небе, голубела Земля. На ней кремлевская башня считала минуты, на ней Волга и тихие ручьи с березами ожидали его возвращения».

В. Песков

Предисловие

В начале шестидесятых годов прошлого уже XX века Василий Михайлович Песков попал в число корреспондентов уникальных. Здесь дело даже не в том, как он делал свои репортажи, а в том, откуда ему выпало их делать.

Сейчас только старшее поколение знает, например, что такое «допуск». Это такое разрешение, которое органы госбезопасности давали журналистам для работы по определенным секретным темам. Перед этим проверяли родных и близких до седьмого колена, требовали массу характеристик и рекомендаций с работы.

А уж в этом случае – проверяли трижды.

Дело в том, что Песков был одним из первых журналистов, допущенных к только зарождавшейся тогда космонавтике и космической теме вообще!

Он писал о первых спутниках, знал лично всех из первого отряда космонавтов, начиная с Юрия Гагарина, дружил с ними, бывал у них дома.

Таких журналистов было меньше, чем пальцев на одной руке. Ну еще газета «Правда», ну ТАСС...

Вы прочтете здесь его репортажи тех лет, а также увидите фотографии космонавтов из архива Василия Михайловича, которые раньше не публиковались. Даже на обложке фото уникальное: подарок Юрия Гагарина Пескову. Обратите внимание, первый космонавт Земли расписался на ней, его четкий автограф виден на илеме.

Первые статьи о космонавтах Василий Михайлович писал с удовольствием, вы это заметите. А потом вдруг стал отходить от космической темы.

Однажды я спросил его об этом – почему?

Песков засмеялся и ответил просто и понятно, так же, как писал свои заметки:

– Понимаешь, как-то стал я от этого уставать, понял, что не мое. И еще: мне же допуск давали, то есть за границу могли запретить выезжать несколько лет! Ну я стал потихоньку отползать...

Тему космоса у него подхватили Ярослав Голованов (он написал великолепную книгу о главном конструкторе космических кораблей Сергее Королеве) и Андрей Тарасов.

А Песков?

А Песков занялся природой. Похоже, он еще тогда знал, что главной рубрикой в его журналистской жизни станет «Окно в природу», к которой сам он «прорубил» для миллионов читателей «Комсомольской правды». И уже в 1961 году – вы это прочтете в новом томе – поехал Василий Михайлович в свои первые большие путешествия – во Вьетнам и по Африке.

Едем с ним?

Андрей Дятлов,

заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1959

В лесу, у станции Тригуляй...

Четыре часа утра. Весь мир спит за морозными стеклами. А этим не спится. В руках ржавые пики, разнокалиберные ружья и котомки за плечами. Стоптаные валенки, усы, простуженные голоса. Возраст – от пионера до бородачей. В одном можно не ошибиться – добровольцы. Сидят на вокзале, ожидая поезда. Курят, тихо переговариваются.

У тех, кто вооружен пиками, разговор о клеве, о щуке, которую едва вытащил в прошлом году какой-то полковник. Пробуют на вес пики, хвастаются прошлогодним уловом, припоминают окуневые места на Цне.

Те, что с ружьями, держатся солиднее. У некоторых собаки. Это «борзятники». Едут тропить зайцев. Разговор у них пока не очень веселый: «Побавился заяц». Ругают ядовитые удобрения шкодливых енотов, какую-то породу полуборзых собак, расплодившуюся в деревнях: «На домовых харчах не живут, зайцами только питаются. Ножищи-то длинные, кого угодно догонят...»

Наша группа среди ружейников держится особняком. Сегодня, если попадется нам заяц или даже лиса, стрелять не будем. В сумках у нас патроны, заряженные не дробью, а пулями...

Петухом кричит маленький паровозик. Покидаем прокуренный тамбовский вокзал и расползаемся по вагонам. «Подледники» выйдут на полустанке возле моста, «борзятники» высалят собак часом позже, а мы поедем до лесной станции с веселым названием: Тригуляй.

За окном темень. У фонаря на лесной остановке кружится рой снежинок.

* * *

Особая тонкая тишина стоит в лесу после первого снега. Только дятел не боится разбудить сонное лесное царство. За версту слышна песня из его «кузницы». А это что за звуки? Очень тихая и невнятная песня. На согнувшейся под инеем рябине стайка снегирей (знают, где спрятаны лесные гостинцы!). Спелыми яблоками висят снегири на белых ветках. Кажется, посланы эти птицы, чтобы нарядить лес, кажется, сама заря не пожалела красок для этих спутников зимы и снега.

Скрипит морозная пороша под ногами, с веток за ворот сыплется колючий иней. Возле березняка наш «старшой» Владимир Сергеевич Бизюкин подал бинокль:

– Угадываешь?

В запотевших стеклах мелькнули белые кружева берез и угольно-черные пятна.

– Косачи!

Да, больше десятка тетеревов встречали на придорожной березе солнце. До снега они паслись на земле. Теперь и пасутся, и ночуют на березах. Подойти к ним на выстрел очень трудно. Обязательно заметит старый вожак, занявший самую вершину. Была бы санная упряжка – можно ехать в открытую. Лошадей косачи не боятся.

Чтобы не пугать птиц, повернули на боковую дорожку. Тетеревиная стая держится в двух-трех излюбленных местах леса. Когда навалит глубокий снег, косачи прямо с берез будут нырять в него на ночлег. Охотники еще вернутся к этим березам...

Идем уже больше двух часов. Снег неглубок. За нашей шеренгой остается темная тропинка из сухих листьев. Даже лисица, перебежавшая дорогу, достала лапами до земли. По-прежнему тихо. Только дятел стряхивает иней с елочки.

В домике лесника пьем чай и обсуждаем план охоты. Встретивший нас егерь внимательно проверяет наши бумаги.

Охотиться на лосей можно только по специальному разрешению. Лет тридцать назад в лесах средней России лоси перевелись почти полностью. В Подмоскovie егери их пересчитали по пальцам – 60 голов. Теперь под строгой охраной лосиное стадо возобновилось. Недавно снова пересчитали лесных красавцев – 12 тысяч. В одном только Подмоскovie 12 тысяч! Много лосей развелось в Калининской, Ярославской, Рязанской, Тамбовской областях. Настолько много, что лесники подняли шум: «Губят лес!» Справедливый сигнал. Пришло время регулировать лосиное стадо.

Егерь раскладывает лесную карту, отыскивает на ней низину, поросшую осинником, и обводит ногтем квадрат:

– Тут надо искать.

* * *

Если бы можно было спросить зверей, какое дерево самое ценное, бобр, заяц или лось ответили бы в один голос: осина. Осина-кормилица спасает зверей от зимней голодухи. Бобр с осени запасает осиновые поленья, в осиннике кормятся зайцы-беляки. Для лося горькая осинная кора – главное зимнее блюдо.

– Тут наверняка есть, – говорит Владимир Сергеевич, разглядывая погрызы на зеленых стволах.

Местами погрызы уже заросли. Осины стоят словно в заплатах – лосиная работа пятилетней давности. А вот нынешнего года погрыз, а это совсем свежий. Ищем следы на снегу. Ночная пороша ступала снежные письмена. Зато уж если найдем след – наверняка свежий.

– Целых три! – егерь делает знак рукой и показывает три пальца. Прошли глава семьи – рогач, самка и годовалый теленок. Прошли совсем недавно. Вот они шли спокойно, вот метнулись в чащу, услышали нас.

Охотники загоняют в стволы патроны, я достаю фотоаппарат. Владимир Сергеевич ставит всех на «номера» вдоль просеки, а сам, щелкнув курками, идет по следу...

Стоим полчаса. По крику сойки догадываемся – перехитрил нас рогач. И от «старшего» ушел, и на «номера» не вышел. Слышался звук рожка. Это уговор собираться.

Потом повторяется все сначала. Один – по следу, остальные шестеро – на «номерах».

Видели лисицу, ошалелого, не залегшего на зиму енота видели, а рогач опять увел семью невредимой. Теперь выслеживать лосей бесполезно. Шарахаются от малейшего звука. Ищем новый след. Это не такое уж простое дело. Только к вечеру у болотной лужи разглядели полынь и свежий наброд. Лось пил, проломив копытами тонкий лед. Рядом виднелись еще два следа. Может, прежние наши знакомые, а может, другая семья запивала обед водою. На этот раз прошусь со «старшим» по следу.

У Владимира Сергеевича отличное трехствольное ружье и опыт бывалого следопыта. Он не идет по следу. Он чутьем угадывает, куда могли повернуть звери, и идет напрямик. Я иду сзади. От неумелой ходьбы хрустят ветки под ногами. Сергеич то и дело оборачивается, делает злое лицо и грозит кулаком. Стараюсь идти на цыпочках. Наконец «старшой» замирает у елки. По его позе догадываюсь: увидел!

От частого осинника рябит в глазах. Все-таки различаю три темные фигуры. У самца седая шерсть на шее, могучие рога. Он уже почуял недоброе, вытянул шею, прислушивается. Но он не знает, откуда опасность, он еще не видит нас. Как хочется сфотографировать, но далеко и слишком част осинник. Мой «выстрел» не достанет. Зато Сергеич осторожно присел на колени. Видно, как он снял колпачок с оптического прицела, протер очки...

– Он только что здесь прошел...

Лосиха с теленком метнулись и, ломая кусты, понеслись в глубь зарослей, а рогач не побежал. Секунду он стоял, повернув к нам голову, потом сделал угрожающий шаг в сторону обидчиков... «Промахнулись», – мелькнула радостная мысль. Но нет, хорошее ружье у Сергеевича и глаз верный. Рогач судорожно рванулся в нашу сторону и упал.

Сложные чувства испытывает у поверженной лесной добычи. Все, что было до выстрела, было красиво, захватывало, будоражило. Теперь же я с сожалением глядел на лося. Как красив был он три минуты назад!.. Я поделился этой мыслью с Сергеечем.

– И у меня так же, – сказал он, разряжая ружье, – всю жизнь так. Но охота есть охота. Страсть как люблю охоту.

Фото автора. Тамбовская область. 3 декабря 1959 г.

Солдатский гостинец

– Дядя Женя! Дядя Женя приехал!

Ребятишки воробьями сыпались с лестницы и повисали на крепких плечах солдата. Не утихая, воробьиная стая покатила в дом и увлекла за собой солдата.

Гостинец у солдата скромный. Кулек с конфетами опустошился мигом.

– Дядя Женя, теперь с нами обедать! Раздевайтесь!

Кто-то, подтягиваясь на носках, вешает тяжелую солдатскую шинель, кто-то примеряет шапку...

Я вспомнил свое детство. Вспомнил, как возвращался с работы отец и мы с братьями так же вот повисали у него на плечах, лезли в железный помятый сундучок за гостинцами, примеряли пахнущую мазутом шапку. У этих же ребятишек нет отцов и матерей нет. Они растут в детском доме. Я не услышал тут ни одной жалобы, ни одного печального лица не увидел. Хорошо живут ребятишки – крепкая одежда, хороший стол, школа рядом.

– Дяде Жене – три компота! Чур три! Чур три! – ребятишки, дружно хлопая в ладоши, заставляют солдата опорожнить стаканы.

Хорошо живут ребятишки. Недостает им, пожалуй, только... Я опять вспомнил отца, вспомнил его ласковую шершавую руку. Он проводил рукой по нашим вихрам и спрашивал всегда одно и то же: «Ну, чем хвастаться будете?»

– Ну, хвалитесь, – услышал я от солдата. Он потрепал рукой чью-то русую голову, кого-то посадил на колени...

Много у солдата ласки. Много хороших слов сбереглось за долгую службу. Кому сказать их? Вот и приходит солдат, Евгений Воробьев, в этот чистый домик, где прямо у калитки попадешь в ребячий плен.

– Наши ребята шефствуют над детским домом, – сказал командир и сам же поправился, – слово «шефствуют», пожалуй, даже не подходит. Казенное все-таки слово, без тепла. А наши ребята тепло как раз и приносят...

Очень нужно человеческое тепло в доме, где дети не знают матери и отца. Солдаты научили ребятишек песням, научили держать в руках гармошку, научили мастерить, выстукивать каблуками пляски. Хорошо! Но не в этом главное, главное в том, что...

– Витя, веди себя хорошо, а то придется дяде Жене... – сказала при мне воспитательница расшалившемуся мальчишке.

Так же вот говорят матери: «Ты смотри мне, а то отцу скажу».

Каждую субботу и воскресенье приезжают солдаты в дом с голубой калиткой. Тогда особенно ярко горят окна, особенно звонко стучат каблуки. И чисто мужские разговоры случаются при этих встречах:

– Ты что же, без пуговиц ходишь?.. Сам, только сам пришей...

– Тройка?! Да ты знаешь, если б я на три на ученьях стрелял, меня бы к вам и на час не пустили...

– Тройка?! Да если б я на тройку на ученьях стрелял, меня б и на час к вам не пустили...

Большое отцовское сердце, отцовскую требовательность и ласку приносят солдаты в дом с голубой калиткой.

– У нас не один только Евгений отдает «увольнительный» день ребятишкам. Может, и других назовете? – сказал командир на прощание.

Делаю это с удовольствием. Евгений Воробьев, Юрий Мерзляков, Виктор Егоркин, Евгений Волков, десять других солдат Н-ского подразделения попали в хороший, почетный плен к ребятишкам.

Фото автора. Кирсанов Тамбовской области. 5 декабря 1959 г.

За эти шесть лет...

Полночь... Гаснут огни в маленьком городке. Только от нашего окошка стелется поперек улицы свет.

– Вот ключи, вот печать, вот книжка с адресами...

Нас трое в маленькой комнате. Только что отшумела конференция. Только что выбрали нового секретаря. Мы трое, не стовариваясь, остались в маленькой комнате. Бывший секретарь Валерий Надеждин кидает в печку сосновые поленья. Они горят с шумом и треском. На колени из открытой дверцы прыгают искры, комната наполняется теплой музыкой.

– Вот так же шесть лет назад в первую командировку я сидел у печки. – Валерий поймал, попестал в руках уголек. – Вот такой же мороз был. Ночевал в сельсовете. Всю ночь пекли со стариком сторожем картошку. Всю ночь я глядел на огонь и думал. В село я приехал на комсомольское собрание. Прочел там лекцию – о культурно-массовой работе, кажется... «Вопросы будут?» – спросил председатель. Все долго молчали, потом поднялся парень. Подышал на руки: «А как насчет трудодня в этом году, неужели опять палец сосать?.. Надо бы тебя, секретарь, на ночлег пригласить, а я не приглашу. Не приглашу потому, что нечем угостить».

На парня зашикали. Он огрызнулся: «А чего мне стесняться? Запиши фамилию, секретарь, если хочешь: Худяков. Комсомолец. Рядовой колхозник. А на вопрос все же ответь...»

Я не мог ответить.

Ночевать парень все-таки позвал, но я отказался. Всю ночь пек картошку в сельсоветской печке и думал, как работать буду, сколько таких вот трудных вопросов встанет... Это было в пятьдесят третьем. Еще до сентябрьского Пленума.

Валерий подкидывает в печку поленья, барабанит пальцами по певучей жестяной дверке.

– На конференции видели парня с чубом?.. Да, тот, что райком чистил... Это и есть Анатолий Худяков. Друзьями стали. Хороший парень! Недавно в партию принимали. Позвонил: «Приезжай на собрание». Выходим из правления вечером, взял за пуговицу: «Ну, уж теперь, секретарь, не отпущу – ко мне ночевать».

Новый дом построил Анатолий Худяков. В доме – дай бог каждому так жить. «На свадьбу, – говорит, – полтора человека позову...» Много новых домов построено в Хмелинке. Много свадеб сыграно за шесть лет.

О Худякове я рассказал, как о старом знакомом. Коммунист, рядовой колхозник. Впрочем, теперь, кажется, нет. У них там новая ферма построена – его заведовать ставят...

* * *

Березки под окнами поднялись до крыши. Шесть лет глядят березки в райкомовские окна. «Память о себе оставить хочешь, секретарь?» – спросил дед, живший рядом с райкомом. «Хочу», – ответил Валерий. Все райкомовцы посадили в ту осень по березке. Сторожиха тетя Варя – и та посадила. Соседский дед поглядел и тоже взялся за лопату. Это было первое «мероприятие» нового секретаря...

– Пора отпустить, хоть и жалко – настоящий секретарь! – сказали мне в обкоме.

– Надеждин? Валерка?! Деловой человек, – сказал председатель колхоза Павел Фокин.

– Душа парень! Забирают?! Конечно, такие люди везде нужны, – сказала учительница Мария Степановна.

– Валерий Серафимыч?.. Сына бы такого... – сказала мне райкомовская сторожиха тетя Варя.

Хорошим секретарем был Валерий Надеждин. Начинал парнем. Сейчас легкая морщина наметила на крутом лбу.

Для новых дел вырос человек. Не первого и не последнего такого с почестями провожает комсомол. Не на пенсию провожает. Полных сил, опытных, крепких работников принимает у комсомола партия. На Рязанщине и под Воронежем из комсомольских секретарей хорошие председатели колхозов вышли. Прямо из райкома в хозяйство, в большое хозяйство. Работают. И хорошо работают, потому что росли вместе с жизнью, потому что у партии под присмотром были. Научились хозяйствовать, драться за дело научились, научились слушать и понимать людей.

Новый секретарь принимает у Валерия эстафету. Трудную должность принимает. За что любят в районе Валерия? За то, что нет человека, которого он обидел бы понапрасну. За то, что, разговаривая с людьми, сердцем умеет он слушать. В колхозе «Память Ленина» мне рассказали, как в весеннюю пахоту подъехал секретарь к трактору, стоявшему в борозде. Поломка... На своем потрепанном «Москвиче» двинулся добывать запасные части. Сломался «Москвич». Пошел пешком, в мешке принес части... Случилось, приехал собрание проводить – и всю ночь грузил с ребятами силос. До кровавых мозолей работали. Не состоялось собрание по обычной форме. Но все вопросы решили в пять минут у колонки, где отмывались после трудной ночи.

Есть у Валерия толстая тетрадка с названием «Что делалось и что удалось сделать». Шесть лет поздними вечерами делал в ней пометки секретарь. Любопытные факты! Любопытные цифры! Вот, например: «1953 год. Во всем районе на фермах работают 17 комсомольцев... Рекорд у лучшей доярки – 700 литров...»

С этого начинали шесть лет назад не только в Кирсановском районе и не только на Тамбовщине. А вот свежая запись в секретарской тетрадке: «1959 год. Ноябрь. Вчера подсчитал комсомольцев в животноводстве: 520 человек!.. Лучший надой – 3800 литров... Построено двести свинарников и коровников. В тринадцать колхозов пришло электричество... Полторы тысячи новых домов построено... «В этом году яиц три миллиона штук сдано»... «В шесть раз больше стали в районе производить мяса», «Молока – в два раза больше...».

Красная тетрадка вместе с ключами и печатями передана новому секретарю Николаю Бобровскому. Поучительная летопись. Если внимательно читать цифры и скупые заметки, можно узнать, как воевали кирсановские комсомольцы за эти цифры. Если внимательно читать, можно узнать, что не было хороших дорог между кирсановскими селами – комсомольцы построили. Комсомольцы воевали за кукурузные квадраты, уезжали поднимать целину, сажали сады и строили лыжный трамплин, собирали удобрения и помогали товарищам строить дома...

Прочтет кое-кто эту сухую «цифирь» и скажет: скучно жили комсомольцы – «хлеб, молоко, мясо, удобрения...» Да, работа была тяжелая. Тяжелая, но благодарная. Все мы в городах и деревнях пожинаем сейчас плоды этих больших усилий. Люди у нас никогда не падали духом. Сейчас же у нас есть все основания быть веселыми. Не с сумрачными лицами боролись мы за это веселье. Мы умели шутить, умели смеяться и петь. Мы спорили о модах и правилах хорошего тона, мы учились музыке, не забывали о праздниках и справляли свадьбы. И сам кирсановский секретарь не раз отплясывал в веселом кругу друзей где-нибудь после молотьбы или на зимней вечеринке. Об этом тоже рассказывает тетрадка с короткими заметками, цифрами и фактами.

* * *

– Тебе легче будет, – сказал Валерий своему преемнику. И поправился: – Впрочем, может, только кажется, что легче!»

Наша дорога – это лестница вверх. С какой бы ступеньки ни начал – вверх, только вверх дорога. Не умеешь подниматься – учись. Люди и партия поддержат, поправят. Только умей слушать.

Валерий начинал с борьбы за хлеб насущный. Теперь новые слова появятся у сельского секретаря, если он решил вести летопись дел. «Гербициды», «воздушная прополка», «полная механизация», «перегнать Америку», «как должно выглядеть село»... Новой мерой мерится сейчас деревенская жизнь. Завидное наследство получает Николай Бобровский!

...До утра просидели мы у жаркой райкомовской печки. Незаметно потухли звезды. Из синего окошко стало розовым – всходило солнце. От березок на дорогу ложились прозрачные тени.

– Ага, вот и первый посетитель в райком!

– Я из колхоза Ленина, – девушка нерешительно остановилась, развязала белый от инея платок. – Пешком к вам. Мне секретаря... Да, важное дело.

Мы все трое глянули друг на друга. Улыбнулись. Николай распахнул широкую райкомовскую дверь, а мы с Валерием пошли вдоль морозной улицы, где по свежему снегу девичьи валенки проложили первый утренний след.

Кирсанов Тамбовской области. 15 декабря 1959 г.

Семья принимает экзамен

Старшему – пятьдесят четыре, младшему – тринадцать. Фамилия у всех одна – Злобины. И профессия одна – трактористы. Это одна семья, семья Злобиных из колхоза имени Ленина на Тамбовщине. У этих пятерых сегодня очень приятный день. Младший из Злобиных, Ленька, держит семейный экзамен... Впрочем, комментарии к этому снимку следует начать издалека.

Помните, был такой трактор – тощий, поджарый, «фордзон» назывался? Конечно, не помните. Наше поколение еще в люльках качалось, когда появился этот трактор. Да и страна наша была тогда совсем молодая. Только-только бралась хозяйствовать. Своих тракторов не было. Америка их нам продала. Почему не продать, если страна, хоть и разоренная, а золотом за «фордзоны» платит?!

Мы не знаем этого трактора, а Михаил Иванович Злобин помнит об этой слабенькой по сравнению с нынешними нашими богатырями машине. Почему? А вот послушайте, что рассказывает сам Михаил Иванович.

– Весь трактор я протер чистой тряпичей, сам надел чистую рубаху... Синие кольца летели кверху от мотора... Молодые рты раскрывали, старухи крестились, ребятишки бежали впереди и шумели: «Трактор, трактор!» Знаете басню: «...слона водили, как будто напоказ»? Так и я «фордзон» водил по деревне. Это был первый трактор, а я вроде первый тракторист.

Разговор этот происходил возле колхозной мастерской. Все, кто был при разговоре, повернули головы к навесу, где стояли «Беларуси», «Владимирцы», разные «КДП», «ДТ»... Тракторы большие и маленькие, на резиновых колесах и на гусеницах, ярко-красные и синеватые, старые и только что полученные.

С «фордзона» начали свою биографию Злобины. Отец любил свое дело. Придет с поля – только зубы да глаза видны – и прямо к люльке.

– Где он тут, разбойник? – пальцем нажмет на Колькин нос... – Ничего, ничего, сейчас отмоем, – улыбнется матери. – Трактористом будешь, Колька? – и сам же отвечал: – Будет трактористом Колька!

Трактористом и стал первый сын Злобиных. Учился у отца, а подошли годы – сдал экзамен. Вот он, крайний слева на снимке – Николай Злобин. На Тамбовщине его сразу узнают, потому что портрет его был в газете, потому что он все марки тракторов освоил, потому что он считается «снайпером по квадратам» – никто на Тамбовщине лучше него не может сеять и убирать кукурузу.

Второго сына зовут Михаилом. На пять лет моложе первого. Начал прицепщиком у Николая. А теперь... Портрета в газетах пока еще не было, но Николай признался: «Наступает на пятки брат». Грамотный, задорный. Только что из армии вернулся – сразу на трактор. Вы его узнали, конечно, – второй справа на снимке.

Случаются споры у Злобиных. Техника что ни год – новая. Вот и сравнивают машины. Одним хвала, другим приговор. Бывает, расходятся мнения у отца и братьев. Третий сын – Владимир при этих спорах помалкивает. Сидит обычно в сторонке, щелкает семечки и мотает на ус. Впрочем, усов у него еще нет. Ему всего семнадцать. Экзамен на тракториста он уже сдал, но работает прицепщиком. Такой порядок в семье: годик-другой сзади трактора, а потом уже за руль. На этом снимке Владимир второй слева. Поглядите, как рад он за младшего брата, за Ленку...

Теперь вернемся к началу разговора. Да, сегодня у Злобиных хороший день! Шестиклассник Ленка делает первый выезд.

После этих испытаний Ленка не получит удостоверения – это семейный экзамен. Но, может быть, это один из самых важных экзаменов в Ленкиной жизни.

Ленка счастливее своего отца. Сколько лет отделяют его от отцовского «фордзона»? Если по годам считать – не так уж много. И очень много, если считать по делам, по пути, который прошли Ленкины отец и братья. Ленка счастливее отца, потому что отцу не у кого было учиться. Он смекалкой определял, «какую гайку на какой болт надо ставить», а Ленка учится в десятилетке. Вечером, после встречи со Злобиными, я пошел к директору школы.

– Да, в девятом и десятом классах у нас машиноведение. Из школы будем выпускать специалистов... Сегодня как раз уточняли с председателем, какие люди нужны. Договорились: чтобы трактор умел водить, доильный аппарат умел бы наладить и на комбайне чтобы хозяином был, и автомобиль... Таких людей будем готовить...

– Уже и теперь полевые работы механизированы у нас на девяносто пять процентов, – сказал председатель колхоза Павел Николаевич Фокин... – Я не оговорился – на 95! Злобины и пашут, и сеют, и пропалывают, и косят, и молотят. Все машинами. Теперь на колхозном дворе нужна такая механизация. Вот как нужна! – председатель провел пальцем у подбородка.

И у Злобиных я тоже видел этот жест: «вот как надо!» Поэтому с такой радостью и надеждой глядит семья механизаторов на своего младшего, на Ленку, который сегодня первый раз запустил мотор.

Фото автора. Кирсановский район Тамбовской области. 26 декабря 1959 г.

Счастье первой тропы

Мы шли по тайге. Снег был глубок, но шли мы по следу, и лыжи не проваливались. Мой спутник тунгус затянул песню. «Что за песня?» – спросил я. «Моя песня, – смущенно улыбнулся Кирилл, – про него сочиняй, – указал он на след, – он нам дорогу показывай, он нам легким путь делай». Километров тридцать шли мы окруженные молчаливым лесом, только глубокий след змеился перед глазами. Кирилл без устали мурлыкал свою нехитрую песню о человеке, который прошел впереди нас, которому было трудно, который оставил глубокий след в тайге... «Значит, хорошая песня, если записываешь?» – сказал Кирилл, когда мы дошли наконец до зимовья...

Это было в тот год, когда только-только заговорили о стройке у Падуна. Четыре дня назад я снова встретил Кирилла Трахино. Он сидел у руля огромного самосвала. Я сразу узнал скупатое веселое лицо.

– Давно в Братске?

– По первому следу, – улыбнулся Кирилл, видимо, вспомнив давний наш разговор.

Он теперь отлично говорил по-русски. Машину с камнем он лихо рванул на гору и не удержался, высунул голову из кабины: смотри, мол, это я, тот самый тунгус, что белок стрелял...

Я стоял у камней, исписанных фамилиями и датами. Большая стройка жила тысячью звуков. Звенело железо, за бугром ухали взрывы, нутжно рычали самосвалы на дороге. «Вира помалу!» – вплетался в общий гул чей-то тоненький голос. Невидимая за туманом, шумела вода в бетонных коридорах. «Мы были тут первыми», – прочел я уже поблекшую надпись на камне. Сразу вспомнился первый снимок из Братска: замерзшая, шершавая от вздыбленной шуги Ангара, каменный утес и под ним крошечные фигурки людей. В тот год кто-то и оставил эту гордую надпись на камне: «Мы были тут первыми».

Все было первым у этих камней, поседевших от времени, ветров и морозов. Первые следы, первый костер, первая палатка, первый удар молотка, первый камень, брошенный в воду. Слово «первый» и теперь не устарело. Впервые в мире инженеры рискнули перекрывать реку со льда. Впервые приспособили бетон к жестоким морозам. Впервые экскаваторщик Борис Верещагин с ловкостью акробата разбирал каменные уступы Пурсея – начал сверху и спустился к самой воде. Впервые на земле гидростроители сделали такой большой шаг на север. «О'кэй! – сказал недавно немолодой уже американский ученый, осматривая стройку. – Вы делаете чудо! Вы идете первыми! Весь мир гидростроителей должен у вас учиться... Грандиозно! Ошеломляюще!»

Один снимок из Братска, другой сделан в тот же день в Усть-Илимске. Гигантская плотина и первый след! На наших глазах следы разведчиков превратятся в плотину такую же мощную, как Братская. Многие из нас будут участниками славного превращения. Хорошие следы на земле оставляют советские люди!

Американец не преувеличивал. Грандиозно! Ошеломляюще! Нельзя передать словами все, что видят глаза, когда стоишь у реки. Вот снимок. Он сделан три дня назад с крутого берега Ангары. Как много может сделать человек за четыре года! Но снимок этот все-таки не передает всего, что сделано у Падуна. Это только плотина. На снимке не видны новый город на берегу, заводы в тайге, мачты электролиний, стоявшие рядом с медвежьими берлогами. Промышленная столица Сибири вырастает на Ангаре.

Как все ЭТО начинается, мы можем проследить и сейчас, если спустимся ниже по Ангаре, туда, где в таежной глуши встречается с красавицей рекой быстрый Илим. Всем уже известно, что это место на карте энергетики давно отметили черточкой – тут будет Усть-Илимская ГЭС, гидростанция, по силе равная Братской.

«Что там сейчас?» Этот вопрос задают все, кто заходит в кабинет начальника ангарской экспедиции Леонтия Ефремовича Медведева. Выслушав меня, он долго шуршал картами, потом сказал:

– Завтра лечу туда. Хотите со мной – одевайтесь теплее, и утром к самолету...

Под самолетом ни дорог, ни следов, только лес и сопки. В Братске я уже знал, что к месту будущей стройки сделаны первые шаги. Без дорог, без проводников таежной целиной прошли связисты. Сейчас в тайге другая группа смельчаков. Двенадцать комсомольцев братской экспедиции ушли прикидывать чашу будущего моря, брать на учет богатства, которые надо будет вывозить из затопления. Где-то там, внизу, в тайге, идет сейчас этот маленький отряд, в котором рядом с парнями идет и девушка, почвовед Маша Боярова. Идут по компасу, ночуют у костров. И это в мороз, когда ртуть опускается к самому шарику!

Не мелькнут ли где-нибудь в пойме маленькие фигурки, не покажется ли дымок? Нет, ничего не видно под крыльями. Только лоси, спугнутые мотором, бегут из поймы в чашу...

В деревне Невон – сорок дворов. Живут землепашцы, рыболовы, соболятники. Большую избу занимает отряд исследователей.

Вошла укутанная в платок молодая женщина. Поставила на стол темную бутылку с водой, назвалась:

– Лидия Понедельченко, гидролог...

Пять лет подряд каждое утро эта женщина идет к реке, берет пробу ангарской воды. Летом мерит скорость течения, размыв берегов, расход воды. Сорок человек исследователей живут в бревенчатом поселке. А через месяц тут будут жить уже триста гидрологов, топографов, геологов, горных рабочих. Это разведчики, без которых не обходится ни одно большое наступление. Для плотины надо выбрать самое выгодное место. Много работы у разведчиков. Семь отметок сделали они на ангарской карте, и только у Толстого мыса выбрано наконец место для плотины.

После обеда у начальника экспедиции, где гостям подавались медвежати́на, нежная осетрина и чудом выращенные тут помидоры, в сани запрягли маленьких лошадок, и мы двинулись к Толстому мысу.

На первом же километре лошади стали белыми от инея, а мы соскочили с саней и побежали, чтобы согреться. Сосны, березы, лиственницы мелькают по сторонам. Тишина. Кажется, нет в мире ни огней, ни теплых домов, ни гудков на дорогах. Весь мир, кажется, состоит из морозной тишины и деревьев. Вспомнился Братск, клубы пара над стройкой. Когда-то и там стояла тишина и снег был таким же белым.

У Толстого мыса долго стояли молча. Я поднял голову, чтобы разглядеть сосны наверху – шапка упала с головы. Толстый мыс очень похож на братского Пурсея. Те же серые камни, та же высота в сотню метров и ширина у реки в этом месте такая же, как под Братском. Минут десять любовались мы дикой красотой скал, причудливыми красками зари над мысом. Не верилось, что совсем скоро эту сонную тишину разбудит музыка машин и тонкий молодой голос какого-нибудь парня будет кричать у Толстого мыса: «Вира помалу!»

...До полуночи мы сидели у рации. Радист крутил ручку и, прислушиваясь к птичьему писку черного ящика, посылал в небо просьбу:

– Я Невон, я Невон. Ответьте Невону...

Но мир молчал, и только к полуночи мы услышали нежный девичий голос:

– Слышу вас, Невон. Слышу вас, Невон... Хорошо, завтра самолет будет.

Улетали мы в полдень, когда рассеялся туман над Ангарой, когда ушли на задание все сорок разведчиков Невона. Двух я проводил по берегу реки, где лежат перевернутые, треснувшие от мороза лодки. Сделал снимок на память о первых следах на Ангаре у Илима...

Даже самая большая река начинается ручьем. Даже самое большое дело начинается с первого следа, с первого удара молотка, с первого камня в фундаменте. Сегодня вечером за новогодним столом вспомним, друзья, о тех, кто встречает ночь у таежного костра, кто прокладывает первую тропу для больших дорог.

Фото автора. Братск – Невон. 31 декабря 1959 г.

1960

Трое прилетели в Невон...

Самолет летел на север. Это был уже третий по счету самолет. Сначала летели в большом двухмоторном, потом пересели в двукрылый поменьше, потом совсем крошечный самолет поднял их с земли.

Летели над большими городами, потом провожали глазами редкие поселки. Теперь под крыльями не было и поселков, только белая от снега река указывала дорогу на север. Всюду, где можно, река давала волю своему буйству – разливалась десятком рукавов и протоков, оставляла в русле бесчисленные островки – «лосята». В каменных проходах река сужалась, но бунтовала, пенилась, не давалась морозу. Пепельный туман клубился в таких местах над камнями. А дальше – снова вольные разливы, протоки, «лосята», подмытые корни сосен и кедров и ни одного следа...

– Ангара! – громко сказал летчик.

Трое понимающе кивнули головой. Одно слово объясняло все капризы реки.

Трое в солдатских бушлатах летели укрощать Ангару. В который раз достали намятую газету с отчеркнутой строчкой: УСТЬ-ИЛИМСКАЯ ГЭС. Вспомнили советы ротного, вспомнили друзей. Степку Пономарева вспомнили. Не поехал. Сказал: «Напишите, как там – я сразу...»

Самолет сделал круг и прицелился носом в деревушку, прижатую тайгой к реке.

– Дворов сорок... – успели сосчитать трое.

Самолет улетел в ту же минуту. Трое солдат отвернули у шапок уши, постучали законченными от мороза кирзовыми сапогами... Шесть черных лодок на берегу, темная полоса тайги и белая в снежных искрах река. От дымной проруби шел человек и нес большого осетра.

– Ловится, отец? – спросил один из солдат, чтобы начать разговор, чтобы расспросить о стройке, чтобы выяснить, куда идти.

Но старик опередил:

– Аль стройка какая у нас? – сказал он, взглянув на солдатские чемоданы.

Поняли солдаты, что рано приехали. Опять вспомнился осторожный Степка Пономарев, вспомнился почему-то сад под Сумами. Белые, такие же вот, как морозные елки, цветущие вишни над речкой. Вспомнили слова ротного: «Начинайте там и пишите. Мы подкрепление двинем». Глянули друг на друга солдаты, улыбнулись:

– Ну, води, дед, погреться...

Успешного замерзнуть осетра взвалили на плечо и пошли к избам, подпиравшим небо дымными столбами из труб...

– Денег?.. Понимаю. – Председатель колхоза посмотрел на свои валенки, помолчал. – Денег дам, и самолет вызвать можно. А надо ль? Понимаю – рано приехали. Но ведь будет стройка!.. Да, ждать, может, и долго. Не знаю, сколько ждать. А начните-ка с колхоза стройку. Будем работать, будем вместе ждать...

* * *

Нехитрую историю о трех солдатах из Н-ской части я узнал в Невоне, бревенчатой деревушке на Ангаре, где ловят трехпудовых осетров, где бьют соболей, где медвежати́на – обычное блюдо на столе. Я прилетел в Невон с начальником ангарской экспедиции. Он вез хорошую новость: «Будет стройка!» Он прилетел торопить разведчиков, прилетел сказать, что будет их теперь не сорок, а триста...

– Эге, в Невоне уже есть перемены, – сказал начальник, когда мы пошли по тесной улочке. – Электричество! Кто же это вам?

– Есть теперь мастера, – улыбнулся встречавший нас председатель колхоза.

От него я и узнал историю трех демобилизованных. Это они поставили белые столбы на улице. В каждый дом провели проволоку. В каждом доме с солдатской аккуратностью протянули провода, подвесили лампочки. Это они починили радиостанцию и наладили трактор. В поселке, где сорок охотников и ни одного монтера, – это была революция. Солдат приглашали в дома, подарили им валенки и полушубки, за столом лучший кусок подкладывали солдатам. И не только за то, что руки золотые, а за то, что умели ждать, за то, что они были предвестниками больших перемен в Невоне.

– Где сейчас эти хлопцы? – спросил начальник экспедиции. – Пусть приходят, будем оформлять. Такие парни нужны в разведке...

Вот и вся история. Никто не назовет сейчас день начала большой стройки на Ангаре. Но каждый мальчишка в Невоне знает теперь, что день такой наступит. Много впереди работы. Но настанет и желанный час праздника. Разрежут алую ленту у входа на плотину, заиграет музыка. «Кто первым был тут?» – спросят на празднике. Вспомнят тогда историю о трех солдатах и назовут их имена: Василий Нарожный, Александр Зуев, Михаил Стовбер. «Они были первыми на Усть-Илимской», – скажут на празднике.

Фото автора. Поселок Невон Иркутской области. 7 января 1960 г.

Святые минуты

Шестьдесят святых минут у гранитных ступеней. Шестьдесят минут без слов, без движения. Мороз, метель, утро или полночь – стоит часовой. Пройдет мать, невеста пройдет – не дрогнут глаза часового. На всей земле нет вахты почетнее, чем эта. У всей земли на виду стоит тамбовский парень. И вся земля проходит мимо него. Идет отец с ребенком, солдат, иностранец идет, колхозник, сибиряк, старая женщина... Идут в метель, в мороз. Без шапок, в святом молчании проходят люди.

Тридцать шесть лет не кончается шествие. Этот парень со строгим лицом еще не жил на свете, когда горели январские костры, когда родилась эта человеческая река. Тридцать шесть лет... Люди пахали землю, возводили плотины, воевали, писали книги, в новых домах зажигали огни. И не убывала людская река, и сменяли друг друга часовые.

Смотрит в лица людей солдат – самые разные люди. Руки тянутся к шапкам, что-то шепчут губы, сосредоточены глаза. Много хочет сказать человеческое сердце в эту минуту. И сам часовой много передумал, провожая людей глазами.

«Если б мог ОН подняться сейчас. Если б мог поглядеть на землю. Что сказал бы людям?» – Часовой вспоминает материнские письма из дому, отсветы огней над городом, вспоминает, как в морозную ночь летит над Мавзолеем звездочка-спутник, как стучат поезда, как победно звенят большие часы на башне. «Что сказал бы Ильич людям, если б взглянул сейчас на страну?.. «Спасибо», – сказал бы», – шепчет солдат и спохватывается. Ему, часовому, нельзя нарушать форму...

Звенят часы на башне. Чеканными шагами идет к Мавзолею караул. Кончились шестьдесят минут. Часовой встает на смену часовому. А люди идут и идут...

Фото автора. 14 января 1960 г.

Судьба лейтенанта

Три телеграммы. Они пожелтели за десять лет. Они хранятся в семейном альбоме рядом с карточкой, где безусый лейтенант сидит рядом с женой и держит на коленях сына. Короткий телеграфный диалог:

– Демобилизуюсь...

– Боря, а как жить будем?

– Все будет хорошо. Выезжай.

Десять лет назад лейтенант Борис Лобов отстегнул погоны и положил их на дно чемодана – на память. Жизнь начиналась сначала.

Никто не скажет, что легко в тридцать лет начинать все сначала. На гимнастерке и то вон остались следы от погон. Куда пойти? Какая дорога самая верная? Не одному начинать дорогу – рядом жена, сына за руку надо взять...

Встретились у заводской проходной четверо. По следам от погон, по чуть тревожным глазам узнали друг в друге вчерашних лейтенантов, капитана, майора.

– Нужны люди?!

Старичок в отделе кадров пошелестел бумагами, поглядел на четверых.

– Нужны! На трудное место нужны люди. Согласны в кузню? Сегодня же оформлю.

«Кузня» ошеломила грохотом, снопами огней. «Кузня» тянулась чуть ли не на километр, дышала паром, светилась розовым железом.

– Точь-в-точь как под Берлином в сорок пятом! – крикнул Борис майору. Но тот не услышал.

Подошел мастер, протянул черную от копоти руку, улыбнулся белыми зубами.

– К нам?.. Ну что ж, если из хорошего железа сделаны – героями будете. Поможем. Но к нам не сразу. Сначала за парту... Да, за самую обыкновенную, с черной крышкой...

Сели два лейтенант, капитан и майор за парты, писали мелом на доске, получали тройки и пятерки. Возвращаясь с завода, плескались возле умывальника, потому что и в цехе шла учеба, возле паровых молотов, там, где мягкие от огня заготовки принимали новую форму...

Десять лет прошло с тех пор. Выросли дети у лейтенантов, капитана и майора. Давно сносилась офицерская одежда, только погоны на память хранятся. Что же стало с четырьмя друзьями за десять лет?

Только что закончилась сессия Верховного Совета СССР. Читая материалы сессии, вы, наверное, обратили внимание на выступление депутата А. Г. Крылова. Это директор Московского автомобильного завода. Помните, как тепло и с каким уважением говорил он об офицерах, пришедших на завод? Их не четверо. Их много десятков. Все стали большими мастерами своего дела, все получили квалификацию, все завоевали себе прочное место в жизни. Кое-кого директор назвал даже по фамилии. Среди них и один из наших четырех героев – Борис Николаевич Лобов.

Вечером, когда уже делался номер этой газеты, я постучался в квартиру, где живет семья Лобовых. Трое играли в шахматы.

– Это жена, это сын, ну и я, Лобов, тот самый лейтенант, – шутливо представил Борис Николаевич свою семью. – Решили с сыном мозги прочистить. Над книгами сидели. Он в техникуме, я в институте заочном. Друг другу помогаем. А когда дело доходит до шахмат, с матерью против сына объединяемся...

Вместе с Борисом Николаевичем мы поехали на завод. Завод почти рядом с домом, где семья Лобовых получила квартиру. По дороге расспрашиваю о судьбе четверых.

– О, все живут хорошо! По-прежнему ходим друг к другу в гости, даже дети наши дружат... По-разному, конечно, сложилась судьба, но ни у кого не сложилась плохо. Все оказались

из хорошего железа и к хорошим кузнецам попали. К настоящим людям попали. Тепло, по-рабочему встретили, научили, поддержали. Одним словом, на ноги поставили...

Майор Сергей Михайлович Панин сейчас старшим мастером в цехе. Лейтенант Анатолий Васильевич Бутылкин – мастер на штампо-инструментальном участке. Капитану Ивану Евдокимовичу Степанову сейчас доверили ответственную работу по подбору кадров для завода. Лейтенант Борис Николаевич Лобов стал мастером-энергетиком.

В кузнечном цехе сейчас полыхают зеленые языки пламени. Это пламя газовых печей. Газовые печи в «кузне» устанавливал Борис Николаевич Лобов. В большой «войне» за культуру производства бывший взводный был на первой линии. Он отстаивал, он дрался за газ в кузнице. Он недосыпал ночей, он пошел на курсы газопроводчиков, чтобы самому, своими руками монтировать газовые установки... Нет копоты сейчас в кузнечном цехе. В три раза больше прежнего дает он продукции. Каждый что-нибудь сделал для обновления цеха. В общей работе есть труд и бывшего взводного.

Сейчас коммунисты цеха избрали Бориса Николаевича Лобова своим секретарем. Сердечный, умный и деловой секретарь у коммунистов-кузнецов. Снимок я сделал в цехе, когда Борис Николаевич объяснял что-то молодому парню.

– Кто это? – спросил я.

– Новичок. Владимир Занкин. Только что из армии. Стал на то самое место, где я десять лет назад стоял... Надо помочь парню. Трудное место.

Вот и весь короткий рассказ о лейтенанте и о трех его друзьях, которые десять лет назад переступили порог кузницы. Пусть их судьба послужит примером всем, кто выбирает сегодня дорогу, кто меняет винтовку на молот.

Фото автора. Москва, завод им. Лихачева. 19 января 1960 г.

Встречайте!

Он вышел из вагона на маленькой станции. Поставил чемодан, вглядывается в лица прохожих: не мелькнет ли знакомое лицо?..

Сейчас Валентин Филатов сядет на попутную машину. Замелькают по сторонам пензенские перелески, снежные поля, переедет речку солдат и к полудню – дома!

Миллион двести тысяч таких вот парней снимут скоро шинели. Таким парням не трудно будет найти работу. Таких парней везде ждут. Ждут в колхозах, на шахтах, на сибирских стройках ждут. Добро пожаловать!

Но мало найти солдату работу. Ему надо протянуть дружескую руку. Тепло, по-товарищески встретить его в цехе, на стройке, в целинном совхозе. Солдату нужны профессия и дружеское участие. Солдату надо помочь войти в колею новой жизни.

Вчера в редакцию пришли телеграммы из бригад коммунистического труда. Хорошие, сердечные люди зовут солдат на рубежи семилетки, предлагают помощь и дружбу. Открывается новая славная страница в жизни коммунистических бригад.

Строители, землепашцы и вчерашние солдаты станут рядом. Им есть чему поучиться друг у друга. Эта дружба всем принесет радость.

Встречайте солдата!

Фото автора. 21 января 1960 г.

«По городу ходил медведь...»

Вниманию западных журналистов! Сенсационный факт: медведь ходил по советскому городу! До сих пор медведей приходилось выдумывать. Тысячу медведей выдумали журналисты, чтобы показать дикость Сибири. А тут подлинный факт. Берите на вооружение. Только одну минуту. Дело было не в Иркутске, не в Красноярске и не в Якутске. Тут медведей встретишь разве что в зоопарке. Эта занятная для охотников история случилась в Братске. Медведь пришел в город... Впрочем, все по порядку.

Под Новый год печатник Братской типографии Костя Дорохов, прогуливаясь на лыжах по городской улице, заметил странные следы. Ночью кто-то прошел в больших валенках, но у валенок почему-то были... когти. Медведь? Не может быть! Костя – старожил Братска. Помнит первые костры, случалось, били и медведей. Но чтоб сейчас... Костя сбегал за ружьем и пошел по следу.

Владелец странных «валенков» бродил вдоль крайней улицы целую ночь. Больше всего его заинтересовал почему-то стадион. Костя хоть и не следопыт, но живо представил, как возле ограды медведь вставал на задние лапы, заглядывал на поле, где по воскресеньям резвились хоккеисты. А тут вот медведь пировал и даже валялся возле кучи столовых отбросов... След уходил в тайгу. Идти было опасно – затаившийся медведь может броситься неожиданно. Не успеешь даже вскинуть ружье. «Посоветуюсь с тестем», – решил Костя и повернул лыжи.

Весь день электромонтер и страстный охотник Александр Константинович Арсентьев мастерил засидку. На две высокие сосны на веревках подняли «лабаз» – площадку из досок. А возле кучи, где пировал медведь, положили пахучую курятину.

– Голод не тетка – придет косолапый шатун, – сказал монтер, подсаживая зятя на лабаз.

Целую ночь считали охотники звезды. Целую ночь сидели на соснах, не пошевелив пальцем. Под утро пришел-таки... Долго трещали сучья в непролазном сосеннике. Но ветер выдал охотников. Медведь почуял опасный запах, брезгливо фыркнул и, подминая кусты, убежал в тайгу.

На следующую ночь охотники опять засели. Голод не тетка, однако и сорокаградусный мороз не брат – попробуй просидеть, не шевельнувшись, целую ночь...

Редкий охотник не мечтает о таком трофее.

Пришел косолапый. Опять долго принюхивался, но запах курятины победил. Как только темная гора показалась на лунной белой площадке – грянул выстрел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.